

Элементы христианства и язычества в "Слове о полку Игореве"

Gretić, Vlatko

Undergraduate thesis / Završni rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:172495>

Rights / Prava: [In copyright](#)/[Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-22**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu,
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Završni rad

Элементы христианства и язычества в произведении «Слово о полку Игореве»

Student: Vlatko Gretić

Mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

Ak. God.: 2022./2023.

U Zagrebu, srpanj 2023.

Sveučilište u Zagrebu,
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Undergraduate thesis

Elements of Christianity and paganism in the poem "The Tale of Igor's Campaign"

Student: Vlatko Gretić

Mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

Ak. God.: 2022./2023.

U Zagrebu, srpanj 2023.

Содержание

Введение	5
Основная часть	6
I – Проблема двоеверия.....	6
II – Христианские элементы	8
III – Языческие элементы.....	10
IV - Плач Ярославны	12
Заключение	14
Список литературы	16
Sažetak	18
Ključne riječi	18
Ключевые слова	18
Kratak životopis	18

Введение

«Слово о полку Игореве» — это литературный памятник Древней Руси неизвестного автора, который рассказывает нам историю об Игоре Святославиче (и его брате Всеволоде) и его неудачном военном походе на половцев, который состоялся в 1185 году. Причина неуспешности похода — это гордость самого князя Игоря, который решил не обращать внимание на дурную примету, солнечное затмение, и в день после первой победы, попал в плен. Произведение было написано в период перехода от языческой религии к христианской и, хотя «Слово» имеет очень много элементов христианской религии, это литературное произведение не без влияния древнерусских, а также и общеславянских, языческих божеств. Маркин указывает следующее:

«...в жанровом отношении Слово — произведение книжное, принадлежавшее к "высокой" литературе, не допускающей "низких" фольклорных и языческих воздействий. Казалось, автор должен был придерживаться идеологического и языкового кодирования, обусловленного природой жанра. Вопреки логике, "Слово" стоит особняком в ряду древнерусской литературы, противоречиво сочетая в себе языческое и христианское. Подобный синтез объясняется двоеверием, существовавшим еще долгое время в массовом сознании народа после принятия крещения.» (Маркин 2001: 52)

Во время событий, описанных в этой эпической поэме, христианство было почти совсем новая религия в Киевской Руси и автор использует этот факт, чтобы отразить конфликт между новым и старым не только как теологическую или философскую тему, но и как политическую тему и тему новой культуры на Руси. Христиане считают языческие практики варварскими и богохульными, а новую веру рассматривают как более цивилизованный и просвещенный образ жизни. Но языческие персонажи сочинения считают христианство иноземной религией и сопротивляются новому учению. Цель этой работы — найти элементы, как христианские, так и языческие, определить их роль и значение для сюжета и постараться объяснить, почему именно они важны, не только для «Слова», но и для древнерусской литературы.

Основная часть

I – Проблема двоеверия

Как уже упомянуто, сюжет «Слова» относится к периоду между 1185 и 1187 годами, спустя 200 лет после того, когда в 988 году, при князе Владимире Святославиче, началось крещение Руси и принятие христианской веры. Климов указывает:

«...христианизация является длительным и противоречивым процессом, в течение которого происходят глубокие изменения, охватывающие все сферы социальной, политической, культурной и духовно-эмоциональной жизни как индивида, так и общества в целом. Этот процесс протекает сложно, с резкими рывками вперед и сменяется длительными рецидивами язычества, так как на него оказывают сильное влияние как внутривполитические, так и внешнеполитические факторы материального и духовного происхождения.» (Климов 2009: 117)

Этот факт нужно учитывать из-за того, что именно сложность процесса христианизации позволяет автору использовать смешение христианских и языческих элементов. Весь ряд элементов христианства и язычества и их существование можно объяснить посредством «двоеверия». Г. Г. Филиппов в своей статье «К проблеме двоеверия. Историографический анализ» пишет:

«Понятие двоеверия возникает с момента проникновения христианства на древнерусскую почву. Многочисленные письменные тексты отмечают не просто сохранение языческой идеологической традиции, но и сочетание этой традиции с пришлым «вероучением христиан», что приводит к образованию своеобразной системы дуализированного единства.» (Филиппов, 2004: 92)

Народы всегда были устойчивыми к принятию новой религии, особенно когда эта религия нарушает весь характер народа, его идентичность. Адаптация и приспособление

к новой религии всегда несут с собой некоторые черты старой религии. Филиппов, исследуя Аничкова, пишет, что «верования легче приобретаются, чем уходят из сознания, и потому при встрече политеистических религий происходит процесс заимствования, но двоеверие не сводится лишь к двоемыслию, оно выражается и во время разных бедствий, которые внушают возвращение к язычеству» (Филиппов 2004: 93). Это видно в том, что крещеный князь Игорь приносит жертвы: «Орьтьмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякими узорочьи половецкыми» (Слово). Кожевников описывает эту традицию таким образом:

«“Мощение мостов“ было и своеобразной формой принесения жертвы богам: холсты, ткани, полотенца, скатерти, шерсть, воск, зерно, хлеб, иногда мелкую живность, иногда деньги приносили в определенное место. Все это оставляли в лесу, вешали на деревья, привязывали к ветвям или крестам на могилах; клали в гроб покойнику; бросали в реку, в озеро, в болото — места обитания многочисленных, по определению христиан, «бесов», самой разнообразной нечисти, которой язычники и двоеверцы долгое время и после Крещения Руси продолжали поклоняться, задабривая их своими «молитвами» и дарами.» (Кожевников 2020: 10)

Из-за этого совершенно ясно, что языческие практики ещё до тех пор имели сильное воздействие не только на довоенные ритуалы, но также и на повседневную жизнь. Леонова пишет, что «христианству на тот момент было не под силу уничтожить язычество, оно лишь потеснило его, создав уникальный исторический контекст религиозного дуализма. Тем более что православие на раннем его этапе становления далеко не всегда принималось с охотой народными массами, в сознании и в быту которых жили вековые языческие традиции» (Леонова 2015: 8). В самом деле, вера неизвестного автора очевидна на протяжении всего сюжета, а именно в последних стихах «Слова»: «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки! Княземъ слава а дружине! Аминь» (Слово). Ранчин пишет, что «не только создатель „Слова“ был христианином, но он был и интеллигентом-патриотом, и его отношение к православию воспринимается как „дань“ новой религии. А отдавал эту „дань“ человек, не забывший о

древности, о духовном опыте, накопленном поколениями предков с более давних, дохристианских времен» (Ранчин 2014: 194).

II – Христианские элементы

Христианские элементы не так ясно представлены (как языческие элементы), а чтобы их увидеть и понимать, нужно знать их контекст. Важно подчеркнуть, что причина неудачи князя Игоря заключается не только в его чувстве самоуважения и высокомерия, но и проистекает из-за грехов, которые Игорь совершил в прошлом. Из-за этого важно понимать период раздробленности России на княжества: может быть из-за жадности или по какой-то другой причине, слой привилегированных не хотел подчиниться одному правителю, а оставаться единственными вождями своих княжеств, что внешние враги знали и использовали. Судьин даёт нам полную картину прошлого, которое совершилось перед настоящим походом:

«Игорь воспринял свое поражение как наказание за свои грехи. В 1183/1184 гг. во время совместного похода на половцев Игоря и Владимира Глебовича Переяславского под общим командованием князя Игоря между ними произошла ссора. Князь Владимир Глебович попросил разрешения быть впереди, в авангарде, что обеспечивало приоритет и в славе, и в захвате трофеев (добычи). Игорь отказал ему, тогда Владимир Глебович напал на владения Игоря, а Игорь в отместку напал и разгромил город Глебов у Переяславля.» (Судьин 2014: 177)

Этот эпизод в жизни Игоря Святославича нужно знать, потому что его грехи получили в абсолютной мере свое наказание, в виде его неудач в военном походе, а также и в том, что именно он попал в плен. Разорение земель из-за желания быть лучшим, из-за собственной горделивости и самолюбия, и даже разорение территории своего рода – предательство и убийство – это большие грехи в христианстве, которые получают самое грозное наказание, уже показанное также и в «Инферно» Данте. Игорь получил наказание в виде пленения, а А. Ужанков провёл параллель между «Словом» и Книгой пророка Иеремии. В своей статье об этом Ужанков упоминает, что именно стихи

Иеремии предупреждают о «грехах человеческих, как солнечное затмение, и вот почему Игорь попал в плен, а пророк Иеремия (10; 2) пишет: "Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся"» (Ужанков: 2008). Однако Игорь на самом деле отдаёт себе отчёт в том, что он поступил неправильно. Судьин, цитируя «Летописные повести», представляет нам то, что у Игоря есть покаяние и Игорь просит Бога, чтобы Бог ему простил: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка Господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастья, которые я и испытал» (Судьин 2014: 179). Ужанков опять опирается на писания пророка Иеремии, указывающего, что «только покаянием можно вернуть расположение Господа, о чём свидетельствует Священное Писание: "Голос слышен на высотах, жалобный плач сынов Израиля о том, что они извратили путь свой, забыли Господа Бога своего. Возвращайтесь, мятежные дети: Я исцелю вашу непокорность. — Вот, мы идем к Тебе, ибо Ты - Господь Бог наш. " (3;21-23)» (Ужанков: 2008).

Но, даже если и не обращать внимания на исторический контекст, можно отметить, что «Слово» содержит несколько примеров упоминания христианской религии, которые исследователи «Слова» постарались найти. Один из этих примеров - упоминание Богородицы Марии: «Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена.» Руделев пишет:

«Появляется („въстаетъ в силахъ Дажь- Божа внука“) Обида после того, как половцы разгромили Князя Игоря, после того, как „пали стяги Игоревы“ — склонились стяги с изображениями Спасителя и Его Святой Матери — Богородицы Марии. Храбрые русичи оказываются после этого в лишенном Божественной силы пространстве. Что им теперь может помочь? Только та же Божественная сила, тот же Богородичный образ. Обида может быть одной лишь Богородицей. Она — Дева, у Нее — лебединые крылья. Она утешает русских людей в их горе, заставляя вспомнить более счастливые времена.» (Руделев 2004: 76)

Один из примеров христианства присутствует в самом начале плача Ярославны: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню

злату столу» (Слово). Ещё один пример есть перед концом «Слова»: «Игорь едет по Боричеву/ко святой Богородице Пирогощей». По Словарю-справочнику «Слова о полку Игореве» Пирогощая означает церковь или монастырь Богородицы в Киеве на Подоле. Старорусский певец-поэт Боян упоминает имя Бога, говоря о Всеславе Полоцком: «Тому вещей Боянь и пръвое припевку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути!“» (Слово).

Но как на самом деле нам можно представить, что речь идёт именно о христианском Боге, а не каком-то боге языческой веры? Хотя автор не пользуется именем христианского Бога, христианство имело сильное влияние - в тексте два раза упоминается имя церкви святой Софии, находящейся в Киеве: «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ полелея отца своего между угорьскими иноходьцы ко святей Софии къ Киеву» (Слово) и «Тому въ Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киеве звонъ слыша» (ibid.). Самое «Слово» заканчивается словом «Аминь», от греческого «истинно, верно, подлинно», которым заканчиваются христианские молитвы и древнерусские памятники.

III – Языческие элементы

Хотя очевидно, что христианство во многом влияло на написание и повествование «Слова», в тексте находится и полный ряд языческих элементов. Они видны в упоминании языческих легенд – сначала автор называет Бояна, древнерусского поэта-писца. Нужно обратить внимание на отношение автора к самому Бояну. Хотя Боян был своего рода образцом для поэтов того времени, автор не хочет рассказывать в его манере, и его роль здесь заключается в том, чтобы автор отступил от художественного способа описания, то есть, автор стремится к объективности событий, так как они действительно произошли, и читателю уже в первых строках дается понять, что манера автора отличается от способа повествования Бояна: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудныхъ повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!» (Слово). Но нужно заметить, что, по мнению Михайловича, «существует сопоставление между самым автором „Слова“ и реальным Бояном, кому до настоящего времени сопутствует миф, с которым давно уже пора расстаться. Хотя автор «Слова» отказывается вести

повествование „по замышлению Бояню“, неоднократно высказывалась мысль, что он принадлежал к поэтической школе Бояна и являлся продолжателем последнего» (Михайлович 2012: 273). Из-за этого не удивляет, что автор всё-таки признает и восхваляет его роль и из-за этого сравнивает Бояна с Велесом: «Чи ли въспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче...» (Слово). Велес — это божество в древнерусском языческом пантеоне. Марков постарался найти происхождение имени Велеса и его роль, при чём он ставит „форму Велес“ рядом с формой Волос, так как обе формы можно было сблизать с санскритским „врша“ — бык оплодотворяющий; родство Велеса с римским божеством скота Pales составляет не более, как гипотезу» (Марков 2018: 213). Потом Марков опирается на чешские справочники:

«Чешские глоссы „Mater Verborum“ называют Велеса Паном, греческим богом пастбищ, и так определяют его: Велес имеет вид (утадо) козла; он покровитель овец и пасущих их пастухов. Он первый начал слеплять посредством воска по несколько свирелей вместе. Как изобретатель сложного музыкального инструмента, Велес должен был считаться покровителем музыки и неразлучной с нею песни.» (Марков 2018: 214)

И именно из-за этого Барнаул упоминает, что «не случайно Боян назван „Велесовым внуком“, что свидетельствует о его близости к божеству, покровительствующему не только скотоводству и торговле, но и поэзии, и тайной мудрости» (Барнаул 2014:58).

Не только Боян назван внуком, но также и русский народ, получая название внука Дажьбога: «Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила девою на землю Трояню...» (Слово). Дажьбог упомянут ещё один раз в тексте: «...погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вечи человекомъ скратишась (Слово). О каком точно типе божества идёт речь или какова его роль в описании русского народа, в «Слове» не сказано много. Марков постарался усмотреть происхождение имени в том, что «Слово» произведено от повелительного наклонения глагола дати и бог, как в мольбе к солнцу „даждь, бог!“». Частым повторением, как указывает Марков, «мольба утратила своё значение и превратилась в собственное имя божества, из чего можно выводить, что

под именем Дажьбога чествовалась оплодотворяющая землю сила солнца и это был бог земледелия» (Марков 2018: 208).

В тексте также упоминается и Див: «...нощь стонуци ему грозою птичь убуди, свисть зверинь вьста, збися Дивь, кличь врьху древа, велить послушати земли незнаеме» (Слово). По А. В. Маркову «можно сделать вывод, что Див живет на вершинах деревьев; его крик предвещает беду; когда это злое существо бросилось на землю, оно рассеяло по ней горе.» (Марков 2018: 218) и это видим в следующей цитате: «Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врьжеса Дивь на землю» (Слово). Один из самых известных праславянских божеств, бог Стрибог, также упоминается в «Слове»: «Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрия плькы Игоревы.» (Слово). Марков упоминает, что автор «имел более ясное представление об атмосферических духах, чем об астральных божествах, а на первом месте надо поставить Стрибога – бога ветров, которые представляются снабженными крыльями и стрелами» (Марков 2018: 215), что можно увидеть в предыдущей цитате.

Троян, языческий бог славян, в тексте упоминается даже четыре раза, означив не только, что речь идёт о прошлом («Были вечи Трояни, минула лета Ярославля...» (Слово); «На седьмомь веце Трояни врьже Всеславъ жребий о девицю себе любу.» (ibid.)), но и саму Русь («Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила девою на землю Трояню...» (ibid.)). Ещё одно из божеств восточных славян, бог солнца Хорс, служит как метафора, что князь Всеслав ехал до самого заката: «Всеславъ князь людемь судяше, княземь грады рядяше, а самъ въ ночь влькомь рыскаше; изъ Кыева дорискаше до курь Тмутороканя, великому Хрьсови влькомь путь прерыскаше» (Слово). Марков пишет, что «в Житии Владимира Хорс назван поганым, т. е. языческим богом; в апокрифе болгарского происхождения „Хождение Богородицы по мукам“ (XII в.) говорится о каменном идоле Хорса; в апокрифической «Беседе трёх святителей» Хорс назван жидовином; он наряду с Перуном является громным и молниным ангелом» (Марков 2018: 207).

IV - Плач Ярославны

Языческие элементы заключаются не только в обозначениях языческих божеств, но также в использовании природных сил и мрачных знамений. Антощенко, исследуя «Русскую религиозность» Федотова, пишет:

«Языческое начало оказывалось явственно выраженным «в общем взгляде на природу и жизнь. Г. П. Федотов не ограничивался указанием на почтительное упоминание в „Слове о полку Игореве“ языческих богов, а раскрывал процесс мифотворчества в произведении, в котором осуществлялось слияние народных мифологических традиций с пантеистическим символизмом автора произведения. Одушевление природы и персонификация абстрактных понятий, как показывал исследователь, свидетельствовали о языческом характере мировоззрения автора» (Антощенко 2018: 67)

Одно из этих знамений и символов появляется в самом начале: «Солнце ему тьмою путь заступаше, ночь стонуши ему грозою птичь убуди,...» (Слово). Солнце у древних славян считалось хорошей приметой, связывая солнце с древнерусским божеством Сварогом, но, с другой стороны, затмение солнца связывалось с болезнью или смертью князя, или, в данном случае, с поражением в бою. Это предзнаменование Игорю нужно было считать предупреждением, что его поход будет неудачным, но, из-за своей надменности, Игорь решил игнорировать этот признак и, на самом деле, проиграл в битве.

После того, как Игорь попал в плен, его жена Ярославна призывает разные природные силы, чтобы они защитили её мужа и спасли его от врага. Обращаясь к ним как к живым существам, Ярославна вопрошает ветер: ««О ветре ветрило! Чему, господине, насильно веши? Чему мычещи хиновьскыя стрелкы на своєю нетрудною крилцю на моея лады вои?» (Слово), а потом обращается к силам воды: «О Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменные горы сквозе землю Половецкую» (ibid.), и в конце Ярославна обращается к самому солнцу: «Светлое и тресветлое слънце! Всемя тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои?» (ibid.) Персонификация, т. е. приписывание человеческих свойств природным силам является очевидным влиянием пред-христианского образа мышления.

Важно заметить, что плач Ярославны содержит и определённые библейские мотивы. Ранчин, исследуя «Мотив живой и мертвой воды» Соколовой, заметил, что «поражение и пленение Игоря в сказочном коде „Слова“ изображается как счастливое возвращение из царства смерти, как воскресение.» Но возврат к земле своего отца также указывает на притчу о возвращении блудного сына. Э. А. Радь заметил следующее:

«В нарушении запрета, вопреки великокняжеской воле отправляется в поход Игорь, князь Северский, проявляя своеволие, дерзость, отвагу и безрассудство, творя собственную биографию, добывая себе славы. Об Игоре в ситуации выбора говорится, что «ум князя уступил желанию». Так самовольный поход, поражение, осознание вины ставят героя в положение блудного сына по отношению к старейшему из русских князей, Святославу, названному в тексте «отцом» Игоря и Всеволода. Движимый жаждой воинской славы, гордостью, тщеславием (личностными амбициями), герой «отпадает» от отца и Бога-отца, за что и наказывается всевышним горькой судьбой – долей.» (Радь 2011: 96)

Не вызывает удивления, что именно после плача Ярославны и осознания своих грехов, Игорю Бог указывает путь к своей Родине: «Прысну море полунощи; идуть сморци мглами. Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (Слово).

Заключение

«Слово о полку Игореве» — это произведение особенного значения для русской литературы. Саур в своей статье «Прото-христианские герои и зачатки национальной литературы в Европе» поставил «Слово» в «сравнение с значительными произведениями (и героями) других национальностей как Беовульф, герой английской литературы, Сид, герой испанской литературы и Роландо, герой французской литературы» (Саур 2003: 83) из-за своего политического, исторического и культурного значения. «Слово» говорит нам также много о положении религии на Руси, т. е. о феномене двоеверия — существования двух религий вместе: христианской, которая для русских в то время была

«свежей» и славянской, языческой религии, которая оставила следы не только в культуре, но и в образе жизни, как, например, мнение персонажей, что они могут получить защиту и помощь от своих старых божеств, как Перун, к которому князь Игорь в один момент обращается и просит его защиты в бою. В поэме изображены христианские элементы - как образ Богородицы, упоминание Бога, географические местоположения православных церквей; кроме того, появляются также и тонкие намеки на библейские элементы как раскаяние, искупление, воскресение и возвращение блудного сына.

Хотя неизвестный автор, несомненно, является образованным человеком высшего класса и настоящим христианином, всё-таки совершенно ясно, что славянское язычество ему знакомо. Важно подчеркнуть, что автор на самом деле не верит в языческие божества как настоящий язычник, а пользуется ими с эстетической целью, из-за своего поэтического стиля, который сохраняет пред-христианские мотивы. В то время, как сама страна исповедует христианскую религию, а битва служит как метафора конфликта между христианством и нехристианским врагом (половцы) и значительное количество языческих мотивов совершенно ясно свидетельствует, что пред-христианская вера и обычаи ещё в значительной мере сохраняются и действуют на Руси.

Список литературы

1. Судьин, Г. Г. (2014) *«Слово о полку Игореве» в русской философии и культуре*, журнал «Философия и общество» str. 177–193.
2. Маркин Барнаул, П. Ф. (2014) *Языческий Текст «Слова о полку Игореве»*, журнал «Культура и текст» str. 52–64
3. Неизвестный автор, *Слово о полку Игореве*
4. Климов, Е. В. (2009) *К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации древней руси*, Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). История. Вып. 32. str. 117–122.
5. Филиппов, Г. Г. (2004) *К проблеме двоеверия. историографический анализ*, Вестник НовГУ №27, str. 92-97.
6. Марков, А. В. (2018) *Отношение «Слова о полку Игореве» к народной поэзии*, Публикация Н. А. Марковой, str. 200–238.
7. Кожевников, В. А. (2020) *Какие «мосты мостил» князь Игорь? (Из комментариев к «Слову о полку Игореве»)* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук г. Москва, Россия, str. 6–15.
8. Ранчин, Андрей Михайлович (2014) *Путеводитель по «Слову о полку Игореве»: Учебное пособие*. М.: Изд-во Московского университета, 2012. 176 с., str. 194–199.
9. Руделев, В. Г. (2004) *Православно-христианские образы в «Слове о полку Игореве*, Вестник ТГУ, выпуск 4 (36), str. 76–85.
10. Радь, Э. А. (2011), *Модификации сюжета о блудном сыне в древнерусской литературе*. Статья 1, Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, №2, str. 94–98.
11. Михайлович, Л. А. (2012), *Боян в «Слове о полку игореве»: мифы и реальность*, Журнал «Филология и искусствоведение», str. 272–277.
12. Леонова, Б. Б. (2015), *Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве»: авторские интенции и мифологический контекст*, Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика, № 4, str. 7–16.

13. Антощенко, А. В. (2018), Г. П. Федотов о древнерусском язычестве, Вестник славянских культур. Т. 47, str. 66–73.
14. Saur, Pamela S. (2003) *Proto-Christian heroes and the beginnings of national literatures in Europe*, CLA Journal Vol. 47,. str. 75–92
15. Ужанков, А. (2008) "Слово о полку Игореве" и Книга пророка Иеремии https://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/06/07/slovo_o_polku_igoreve_i_kniga_proroka_jeremii 16.4.2023.

Sažetak

U radu se analiziraju kršćanski i poganski motivi u tekstu „Slovo o boju Igorovom“ nepoznatog autora, pri čemu se posebna pažnja posvećuje razlozima isprepletanja spomenutih motiva. Na početku se daje objašnjenje dvovjerstva te zašto je ono ključno za Kijevsku Rus toga doba. Zatim je prikazan kratak pregled događaja koji su prethodili samim zbivanjima, potom se daje niz kršćanskih motiva poput Bogorodice, Boga, ubojstva, pokajanja i iskupljenja (kroz paralelu s Knjigom proroka Jeremije) te kršćanskih zemljopisnih lokacija. Drugi se dio rada oslanja na motive poganstva u vidu specifičnih slavenskih božanstava poput Diva, Striboga, Velesa i drugih te njihova uporaba u kontekstu „Slova“. Konačno, proučava se korištenje prirodnih elemenata u Jaroslavninom plaču kao oblik poganskih vjerovanja te se izvodi zaključak o sustava dvovjerstva koji se, na temelju „Slova“, prakticirao na područjima današnje Rusije toga doba.

Ključne riječi

Kršćanstvo, poganstvo, poganska božanstva, dvovjerstvo

Ключевые слова

Христианство, язычество, языческие божества, двоеверие

Kratak životopis

Vlatko Gretić rođen je u Zagrebu 19. 12. 2000., a živi u gradu Pregradi, gdje je završio osnovnu (2007-2015.) i srednju školu (2015-2019.). Tijekom srednjoškolskog obrazovanja sudjelovao je na različitim školskim natjecanjima iz humanističkih predmeta, a u nekima od njih je dospio i do županijske razine. Upisao je studij portugalskog i ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu akademske godine 2019./2020 te je akademske godine 2022./2023. upisao i diplomsku razinu portugalskog jezika i književnosti. Položio je ispit za C1 razinu engleskog jezika na „Cambridge Institute“ u Zagrebu te je također polagao ispit za

Njemačku jezičnu diplomu na kojoj je dosegao stupanj B2. Aktivno se bavi borilačkim vještinama.